

На спектаклях Черновицкого театра

1. Се було давно...

«Се було давно»... Таковыми словами, появляющимися на прозрачном занавесе, за которым в синей дымке тают вершины Карпат, начинается спектакль Черновицкого театра «В воскресенье рано зелье собирала...»

Да, давно было то, что сегодня встает перед нами со страниц знаменитой повести Ольги Кобылянской, что происходит на сцене, где живут и умирают ее герои. Давно уже нет в помине венгерских бояр, которые могли надругаться над бедной цыганкой, искалечить ее судьбу и судьбу близких ей людей.

Но в том и сила классического произведения литературы, что оно сквозь годы и века доносит до нас типические черты своей эпохи, заставляет порицать и отметить все низменное, обветшалое, пустопорожнее, а в то же время сочувствовать подлинно гуманным, человеческим чувствам, которыми оно проникнуто.

Так и здесь. Зритель с волнением следит за мыслями и делами чернокудрого цыгана Андронати, когда тот спасает дочь и внука от лютой расправы.

Народный артист УССР П. Михневич ведет эту роль, казалось бы, в спокойной, сдержанной манере. Но за блеском глаз цыгана, за тем настороженным вниманием, с каким он

прислушивается к печальному звуку трембиты, чувствуются его неукротимая внутренняя тревога, его раздумья и решимость.

Вот Андронати прощается с табором, с дочерью... Безысходная тоска, наполнившая сердце, вырывается в задумчивых, взволнованных перегибах скрипки. Но сам человек сдержан, стоек. Невольно думаешь: а не слишком ли скуп артист на внешние приемы сценической выразительности?

Оказывается, нет. Проходит двадцать лет, и перед нами снова Андронати, — уже седой, горбленый, ветхий, словно древняя развалина. Но здесь-то как раз и проявляется шире мастерство актера. Стоит посмотреть, каким жарким пламенем разгорается душа старого цыгана, который берется помочь встретившейся ему девушке Настке, сам того не ведая, что его вмешательство погубит и дочь, и внука, и возлюбленную внука.

Может быть, именно в этих контрастах и раскрывает актер образ Андронати. Может быть, для того он и приберег силы вначале, чтобы ярче, отчетливее показать постепенное развитие характера своего героя, на котором лег отпечаток долгих и тяжелых испытаний.

С большой, искренней драматичностью ведет роли Мавры заслуженная артистка УССР А. Янушевич и Татьяна — В. Зимняя.

Рязанский зритель уже по достоинству оценил обаятельный облик волевой буковинской колхозницы Леся, воплощенный В. Зимней в одноименном спектакле Черновицкого театра. Такая Леся, какую мы видели в ее исполнении, непременно устоит перед любыми невзгодами, по-

тому что в ней — сила могучего советского народа, сила колхозного строя, сила партии, воспитавшей ее. А вот в характере Татьяны из повести О. Кобылянской актриса тонко и искусно показала совсем иные качества — почти детскую беззаботность, погашенную вскоре свалившейся бедой, навсегда сломленную теми человеческими взаимоотношениями, какие существовали в феодально-буржуазном обществе.

По-своему интересен Н. Шутько в роли Гриця, — восторженный, но наивный, увлекающийся, но избалованный юноша. И самое главное в том, что артист не преподносит казую-то готовую схему пороков либо добродетелей, а несет образ парубка во всей противоречивости, свойственной той эпохе.

Чувствуется, что режиссер спектакля, заслуженный артист УССР Б. Борин много поработал над раскрытием психологической и социальной глубины художественных образов. И лишь чересчур назойливыми кажутся частые, не всегда оправданные перебежки артистов с одной сценической конструкции на другую, когда герои пьесы скачут по береговому откосам, горным отрогам, посланным через речки мосткам.

2. Встреча с Гоголем

Синеет вдалеке Днепр, вольно и плавно мчащийся сквозь леса и горы полные воды свои. Сверкают на солнце золотоголовые маковки купо-

лов, тянутся к небу пирамидальные тополя, обступив берег могучей реки. Кричит, гогочет, гремит разногласный базар, зазывает к себе бубликами и калачами, пестреет цветными плахтами и очипками торговки, свитками чумаков, рясами бурсацкого люда.

Да, здесь, на спектакле «Вий», мы и впрямь встретились с Гоголем. И не только потому, что сам Гоголь появляется в прологе, шествует по базару, беседует со зрителями, напоминает о дивной силе народного творчества, о чудесной фантастике народных преданий, в которых великий писатель черпал сюжеты своих произведений. Кстати, удачное портретное сходство и непосредственность, какой отличается короткое пребывание на сцене арт. Н. Котляревского в роли Н. В. Гоголя, оставляет у зрителя большое впечатление.

Но и тогда, когда фигура Гоголя исчезает со сцены, его присутствие незримо остается в спектакле, — настолько по-гоголевски колоритны другие персонажи, декоративное оформление, музыкальное сопровождение.

Быть может, арт. Н. Беляев и

слишком умерил веселый нрав Хо-мы Брута, к которому мы привыкли, читая повесть, но образ этого героя у него получился глубоко лиричным. Рядом с такой впечатлительной натурой озорнее засверкал юмор Тита Халявы, чью роль легко, непринужденно и сочно играет П. Михневич. В исполнении роли панночки арт. М. Дергалиной также много роман-тичности, как в игре заслуженного артиста УССР В. Жихарского (казак Свирид), — тонкой и умной комедийности.

И как бы ни были различны характеры людей, действующих на сцене, они объединены в очень слаженный ансамбль, отчетливо проявившийся с первого же акта. Толпа на базаре не просто движется и шумит, а каждый человек занят какой-то мыслью, какой-то затеей: либо завлечь покупателя, либо стащить то, что плохо лежит, либо поглазеть на любопытное происшествие.

Много выдумки и хорошего художественного вкуса потребовали от режиссера К. Артеменко, художников А. Плаксия и В. Лассана картины, проникнутые сказочной фантастикой. И многое в этом им удалось.

...Вот холодным полночным сияньем светит тонкий серп месяца, выплывая из-за темных силуэтов деревьев. А вот на крутом диске луны появляется лицо панночки, встреча с которой оказалась такой роковой для Хо-мы Брута: она поет, зовет, будоражит душу бедного бурсака, мерещится ему и во сне, и во хмелю.

Немало постановок «Вия» видели рязанцы в исполнении других украинских театров, гастролировавших в нашей области. В некоторых из них были и более эффектные сценические трюки, поражавшие воображение зрителей, когда, скажем, под устрашающее завывание нечисти, наполнившей церковь, вихрем взлетали с аналоя листы псалтыря, который читал Хома над умершей панночкой.

В спектакле же Черновицкого театра нет того, что способно напугать, вызвать ощущение сумбура или мистики. Самые фантастические эпизоды отличаются веселым юмором или изяществом, стройностью, пластичностью. Подводная сцена русалок превращается в легкий и слаженный танец, сцена с чудовищами, которые притягивались Хо-ме в церкви, выливается в оригинальный комический балет.

Это очень органично связано с духом всего спектакля, в котором много разнохарактерных танцев, плясок, песен, музыки.

И финал пьесы, сдобренный забористой бурсацкой шуткой, воспевающий восход солнца, пробуждение жизни, упоительную красоту летнего утра, звучит так же по-гоголевски оптимистично, как и ее начало.

Г. КНЯЗЕВ.

На снимках: сверху — сцена из спектакля «В воскресенье рано зелье собирала...» В роли Гриця — арт. Н. Шутько, в роли Татьяны — арт. В. Зимняя. Внизу — сцена из спектакля «Вий». В роли Николая Васильевича Гоголя — арт. Н. Котляревский (в центре).

